

Полина ЗОЛИНА
(Брно)

Дмитрий Каракозов: русский революционный терроризм и национальный вопрос

Dmitry Karakozov: Russian revolutionary terrorism and the national question

This article is focused on the national question at the beginning of Russian revolutionary terrorism. We found out some facts of Dm. Karakozov's life and tried to aware why this person (who was the first Russian revolutionary terrorist) wasn't as important as some other Russian terrorists. We concentrated on the role of personality in history and the specificity of national question in the Russian revolution.

Key words: Russian revolutionary terrorism; Dm. Karakozov; national question; Alexander II; the role of personality in history

В данной статье мы хотели коснуться прежде всего одной из сторон национального вопроса в период пробуждения в России революционного терроризма – вопроса чувствительного во все времена. Занимаясь данной проблемой, мы, однако, столкнулись с почти мистическим переплетением судеб вокруг рассматриваемых нами событий, что от национального вопроса могло бы открыть перспективу к более широкому, хотя и неоднократно озвученному уже вопросу о роли случайности и совпадений в ходе истории.

В нашей статье мы бы хотели, главным образом, коснуться личности Дмитрия Каракозова, совершившего первое покушение на Александра II, хотя более известен в истории русского революционного террора иной человек – Сергей Нечаев, в царя парадоксально не стрелявший, осужденный за убийство студента Иванова (соучастника его организации), но прославившийся своей жестокой бескомпромиссностью и мощной харизмой – здесь роль личности проявляется особенно наглядно. (Кстати, именно образ Нечаева, а не Каракозова стал прототипом Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», а сюжет убийства Шатова связывается с убийством Иванова).

Исторических «совпадений», так условно назовем то сплетение роковых обстоятельств, которые разыгрались вокруг деятельности русских террористов, и особенно вокруг личности Дм. Каракозова, действительно немало. Вот лишь некоторые примеры подобных «совпадений», о которых упоминает в своей книге «Действующая модель ада» Павел Крусанов.

После покушения Дм. Каракозова на жизнь императора со своей должности был снят генерал-губернатор Санкт-Петербурга (тогда столицы Российской империи) Лев Николаевич Перовский. Всего за несколько лет до этого, когда его дочери Софье было 12 лет, дети Перовские спасли тонущего в пруду мальчика Колю Муравьева. И именно прокурор Николай Валерьевич Муравьев в 1881 году добьется для подсудимой Софьи Перовской (непосредственно руководившей убийством Александра II) смертного приговора.

Дм. Каракозов со своим двоюродным братом Ишутиным учились в пензенской гимназии, где преподавателем математики был Илья Николаевич Ульянов, в семье которого сын Александр родится всего за несколько дней до каракозовского покушения на государя. (Кстати, Илья Николаевич обучал также в этой гимназии и будущего прокурора Неклюдова, который позже вынесет смертный приговор для сына своего учителя).

Кроме того, Павел Крусанов припоминает и программное произведение Чернышевского, которое автор закончил 4 апреля 1863 года, и в котором один из самых загадочных персонажей романа Рахметов исчезает, но обещается его появление «в нужный момент через три

года» (автор имел в виду крестьянскую революцию, что не оправдалось). Так или иначе, выстрел Дм. Каракозова раздался именно 4 апреля 1866 года, то есть ровно через три года. Не удивительно, что журнал «Современник», где печатался роман «Что делать?», был закрыт навсегда.

Дмитрий Каракозов, в отличие от мрачного и харизматичного С. Нечаева, был скорее психически неуравновешанной личностью. Университет Дмитрием не был закончен, и потому Д. Каракозов начал в Москве работу в революционном кружке, занимающимся распространением революционных идей и подготовкой переворота. Организация носила название «Организация», и ее деятельность имела вполне умеренный характер (например, продвигалась идея освобождения Чернышевского из Сибири и т. п.). Но в кружке присутствовали и сторонники крайних мер, к коим относился и Д. Каракозов (показательно, что это крыло должно было носить говорящее название «Ад»). Такой настрой поддерживали не все члены группы, и даже радикальные Иштутин со Страденом вынуждены были убеждать Д. Каракозова не предпринимать ничего без специальных указаний. Однако, Каракозов все же поедет в Петербург и совершит свое неудачное покушение на царя у ворот Летнего сада. После открытия существования «Организации» перед Верховным уголовным судом предстанут 10 подсудимых. Сам Дмитрий Каракозов будет приговорен к смертной казни, приведенной в исполнение в сентябре 1866 года.

1731

Каракозов первым осуществил покушение на императора и был казнен, но, несмотря на это, Вера Засулич позднее будет утверждать, что каракозовское дело не будет занимать такого значимого места в истории революционного террористического движения, как нечаевское. И возникает закономерный вопрос, которым уже неоднократно задавались ученые, почему же такое громкое покушение на царя в глазах современников выглядело скорее как несчастный случай и не воспринималось как переломный момент в истории России?

Павел Крусанов предлагает искать ответ в проблеме национального вопроса. Мы можем взглянуть на это детальнее. Сам петербургский автор вспоминает роман С. Тургенева «Накануне» (1859 г.), где Елена Стахова восхищается болгарским революционером Дмитрием Инса-

ровым: «Освободить свою родину! – говорил она, – Эти слова и выговорить страшно – так они велики!» В статье же «Когда же придет настоящий день?» Николай Добролюбов справедливо поднимает вопрос, о чьей именно родине идет речь? Согласно критике, Болгария в романе почти случайна, то есть на ее месте могла бы быть любая другая страна, кроме Польши и России. Россия, это очевидно, здесь исключена по цензурным соображениям – иначе роман бы не вышел в свет, но гораздо интереснее здесь польский вопрос, особо актуализировавшийся на тот момент.

В 19-м веке происходили разделы Польских территорий и их присоединение к Российской империи, что последовательно вызывало польские восстания (1830 и 1963 гг.) и их жестокое подавление. В России, конечно, некоторая часть общества поддерживала поляков и сочувствовала им (например, поэтесса Е. Ростопчина, написавшая балладу «Насильный брак», где аллегорически представлены отношения двух народов). Но большинство русских обывателей были настроены к полякам крайне критически и, например, в пожарах в столице в 1862 года подозревались именно поляки как наименее надежный контингент.

В российском обществе расширилась полонофобия и идея польского заговора, и всюду выискивались польские интриги. Потому так быстро и естественно возникла убежденность общества в польских корнях русского революционного движения в целом.

С этой точки зрения показательны реакции людей на произошедшее покушение. В первой официальной информации о выстреле в «Северной пчеле» сообщается: «Он чисто говорит по-русски...»¹. Первый вопрос стрелявшему террористу от Александра был: «Ты поляк?», а последующей известной печальной репликой Александра II было: «Прискорбно, что он русский». Михаил Катков писал в печати: «Нет! Он не русский! Он не может быть русским! Он поляк!»². Даже во время следствия осуществлялась попытка разоблачить «поляка» –

1 «Северная пчела», 5 апреля 1866г., № 70.

2 «Московские ведомости» ст. М. Каткова, 1866 г., 8 апреля, № 73.

Д. Каракозову не давали спать по несколько суток, чтобы он, утратив бдительность, начал говорить по-польски и выдал себя.

Интересно, что неудачный выстрел настоящего поляка Антона Березовского в экипаж Александра II в Париже в мае 1967 года уже не произведет такого впечатления, отчасти потому, что это будет казаться уже пережитой, отрефлексированной историей.

В данном свете немаловажно, что когда в 1879 году народовольцы выбирали, кто должен убить императора, то из трех предложенных кандидатов – поляка по происхождению Кобылянского, еврея Гольденберга и русского Соловьева – был выбран именно последний. Вера Фигнер, также член организации «Народная воля», комментировала позднее: «Дело кончилось компромиссом: «Земля и Воля» отказалась брать царевубийство на свою ответственность. Но отдельным членам общества было предоставлено право оказывать ту или иную помощь по этому делу. Предложения Кобылянского и Гольденберга были единодушно отвергнуты: не поляк и не еврей, а русский должен был итти на государя»³.

[175]

То есть по мысли русских революционеров, для успеха революции важна не просто смерть царя, но важна сама личность (национальность!) убийцы, чтобы переворот не выглядел случайностью или частным конфликтом, а выражением воли русского народа. На практике, однако, разыгрался практически противоположный, самый нежелательный сценарий: удавшееся, наконец, народовольцам убийство царя, во-первых, не привело к революции. Во-вторых, убийца, проживший на несколько часов дольше императора, отказался открыть свое имя и долгое время оставался неизвестным. В-третьих, будучи по происхождению поляком и католиком, Игнатий Иоахимович Гриневицкий никак не исполнял завета Веры Фигнер и идейно-энтической установки террористов.

Можно, однако, сказать, что русскую революцию и национальный вопрос нельзя полностью отделить друг от друга, а роль личности для русской истории зачастую оказывается ключевой для развития и интерпретации событий.

3 <http://narovol.ru/Person/solov.htm> материалы допросов, 2 апреля.

Библиография:

КРУСАНОВ, П.: *Действующая модель ада: Очерки о терроризме и террористах*. М.: АСТ, СПб.: Астрель-СПб, 2004. 223 с.

Северная пчела, 5 апреля 1866 г., № 70

Московские ведомости, ст. М. Каткова, 1866 г., 8 апреля, № 73.

Народная воля: материалы допросов от 2 апреля. <http://narovol.ru/Person/solov.htm> 10. 3. 2014

ТУРГЕНЕВ, И.: *Накануне*. СПб: Лениздат, 2013. 192 с.